

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 3.

15 февраля.

Нѣтъ друга, такъ ищѣ,
А нашелъ, такъ беречь!

№ 3.

15 февраля
1908 г.

У п е ч к и.

Трескъ веселый дровъ въ печуркѣ,
Отблескъ краснаго огня...
Хорошо моей дѣвчуркѣ
На колѣняхъ у меня.
Сѣрый котъ то дремлетъ рядомъ,
То опять проснется вдругъ,
Обведетъ зеленымъ взглядомъ:
Что, въ порядкѣ-ль все вокругъ?
Спи, Коташка! Все въ порядкѣ:
Сказка льется ручейкомъ;
Пламя теплится въ лампадкѣ
Ярко-алымъ мотылькомъ.
На твоей пушистой шкуркѣ
Отблескъ яркаго огня...
Хорошо моей дѣвчуркѣ
На колѣняхъ у меня.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— О! на этотъ счетъ, милый Іоганъ, вы можете быть совершенно покойны, наше возвращеніе къ настоящему времени такъ же обезпечено, какъ и переходъ ко временамъ прошедшимъ, успокоительно отвѣчалъ Бруно.

— Ну вотъ видите, шутливо замѣтилъ Ганцъ, у насъ все предусмотрено и вамъ положительно нечего опасаться. А теперь отложимъ пока вопросъ о путешествіи по вновь открытому способу Бруно Курца и поговоримъ о путешествіи при помощи обыкновенныхъ способовъ.

Бруно, давно уже привыкшій къ шуткамъ брата и относившійся къ нимъ очень добродушно, не находилъ нужнымъ распространяться далѣе о своемъ предложеніи и потому рѣчь пошла теперь исключительно о предстоящихъ поискахъ столь интересныхъ катакомбъ, на которыя нѣкогда набрелъ профессоръ Вагнеръ.

Разговоръ на эту тему затянулся, и въ этотъ вечеръ Ганцъ не успѣлъ уже хорошенько спросить брата о сущности его опыта, хотя и предполагалъ было это сдѣлать.

Отъѣздъ рѣшенъ былъ на завтра, а потому необходимо было хорошенько отдохнуть. Вотъ почему, черезъ часъ послѣ ужина всѣ наши путешественники уже покоились мирнымъ сномъ, запасаясь силами для предстоящей имъ экскурсіи.

Впрочемъ, засыпая, Ганцъ попытался разобраться въ томъ странномъ происшествіи, которое случилось съ ними

на „Волшебной Стрѣлѣ“; хотѣлось ему также уяснить себѣ: какого рода связь установилась между индусомъ и его братомъ, на котораго, повидимому, онъ оказалъ столь сильное вліяніе; но чѣмъ больше Ганцъ думалъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ къ заключенію, что дядя Карлъ своими объясненіями совершенно запуталъ всю эту исторію. Съ этою мыслью молодой человѣкъ и заснулъ, рассчитывая, что само время разсѣтетъ туманъ, окутывающій все случившееся съ ними на малайскомъ суднѣ.

ГЛАВА II.

Поѣздка къ пещерамъ профессора Вагнера. Неудачный опытъ Бруно.

На другой день, часамъ къ десяти утра наши путешественники были уже миляхъ въ восьми отъ города, подымаясь по предгорью безконечными полями хлопчатника и неуклонно направляясь къ СЗ.

Дядя Карлъ весьма величественно рисовался верхомъ на конѣ. Эту простую, но необыкновенно тряскую лошадь, можно было считать не болѣе не менѣе, какъ алтаремъ, на которомъ въ настоящую минуту профессоръ приносилъ человѣческую жертву своей излюбленной наукѣ, археологіи. Рядомъ съ нимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, скакалъ на своей лошаdkѣ Іоганъ, старавшійся при помощи растопыренныхъ локтей поймать равновѣсіе, ежеминутно ускользавшее отъ этого не достаточно опытнаго кавалериста. За ними слѣдовалъ проводникъ-туземецъ, ѣхавшій рядомъ съ вьючною лошадыю. Наконецъ Бруно и Ганцъ составляли арьергардъ.

Братья, словно позабывъ о вчерашнемъ разговорѣ, весело болтали о совершенно постороннихъ предметахъ.

— Знаешь ли, милый Бруно, сегодня утромъ я сдѣлалъ весьма интересное открытіе: оказывается, что лавры профессора Курца не даютъ спать нашему Іогану, вслѣдствіе чего онъ также рѣшилъ прославиться въ ученомъ мірѣ.

— Да ты что же шутишь, или говоришь серьезно съ улыбкой спросилъ Бруно.

— И не думаю шутить. Сегодня утромъ, во время укладки вещей дядя схватилъ какую-то толстую тетрадь, сунулъ ее мнѣ въ руки и, увѣряя, что это какія то его записки, которыми онъ особенно дорожитъ, просилъ меня спрятать ихъ въ одномъ изъ нашихъ чемодановъ. Я какъ-то машинально открылъ ихъ и на первой страницѣ, къ удивленію своему, прочелъ слѣдующее заглавіе: „Всемирная Гастрономія или искусство ѣсть у всѣхъ современныхъ народовъ, усвоенное собственными опытами Іогана Дикка изъ Нюрнберга“. А! Какъ это тебѣ понравится.

— Да вѣдь это должно быть прелюбопытное произведеніе, замѣтилъ Бруно.

— Еще-бы, во всякомъ случаѣ Іоганъ думаетъ именно такимъ образомъ, потому что, заставъ меня за перелистываніемъ своего сочиненія, онъ не только не смутился, а наоборотъ очень снисходительно обѣщалъ мнѣ объяснить всѣ тѣ мѣста, которыя въ его ученомъ трудѣ окажутся выше моего пониманія.

— Ну, значить, въ этомъ отношеніи онъ очень похожъ на дядю Карла, который тоже съ большимъ удовольствіемъ читаетъ всѣмъ свои археологическія изслѣдованія.

— И при этомъ совершенно не справляется о томъ,— доставляетъ ли это чтеніе кому нибудь изъ слушателей, хотя бы половину того удовольствія, которое испытываетъ самъ авторъ!..

Болтая такимъ образомъ, наши путешественники довольно быстро подвигались впередъ.

Мѣстность, по которой они ѣхали, по мѣрѣ приближенія ихъ къ горной цѣпи Восточныхъ Гатовъ, становилась мало-по-малу возвышенной и болѣе пересѣченной. Ко времени обѣда они миновали довольно значительный поселокъ и остановились на покатоcти, украшенной группами красивыхъ деревьевъ. Выбравъ тѣнистую лужайку, они остановились для отдыха и обѣда, которымъ, конечно, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, занялся Юганъ и на этотъ разъ не ударившій лицомъ въ грязь. Положимъ, что выючная лошадь оказалась наполовину занятой его кулинарной лабораторіей и ея препаратами, но за то въ этотъ день Юганъ превзошелъ всѣ, даже самыя смѣлыя ожиданія своихъ спутниковъ. Въ теченіе часа онъ смастерилъ на воздухѣ, въ довольно пустынной мѣстности прекрасный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, причемъ на послѣднее подалъ не болѣе не менѣе какъ мороженое. Можно себѣ представить какъ были поражены такою неожиданною роскошью наши путешественники, утомленные знойнымъ солнцемъ Декана.

— О, Юганъ! восклицалъ Ганцъ, съ наслажденіемъ глотая прохладительное блюдо, въ Нюренбергѣ я готовъ посвятить одинъ вечеръ въ недѣлю на то, чтобы въ память о сегодняшнемъ мороженомъ слушать чтеніе вашей знаменитой „Всемирной Гастрономіи“!

— Но скажите же, какимъ образомъ сохранили вы ледъ въ этой невыносимой банѣ, съ непритворнымъ изумленіемъ спрашивалъ дядя Карлъ.

— Мороженое, г. профессоръ, при современномъ умственномъ развитіи европейца и при настоящихъ успѣхахъ науки, болѣе не требуетъ льда для своего приготовленія.

Одно слово, господа, объяснить вамъ все: въ Мадрасѣ я случайно имѣлъ возможность достать жидкій воздухъ!

— Вы великій и гениальный человѣкъ, Іоганъ,—въ Нюренбергѣ я готовъ слушать васъ по два раза въ недѣлю, если, конечно, тому не помѣшаютъ обстоятельства, предусмотрительно оговорился Ганцъ, принимая отъ Іогана, кажется, третью порцію мороженого...

Роскошное угощеніе Іогана, относительная прохлада возвышенности, и наконецъ продолжительный отдыхъ почти совершенно возстановили силы утомленныхъ путешественниковъ.

Ганцъ развернулъ прекрасную карту мѣстности и, указавъ на ней пройденный за день путь, съ общаго согласія намѣтилъ вечерній привалъ. Ночь рѣшено было провести подъ открытымъ небомъ, потому что мѣстность, въ которую имъ предстояло теперь углубиться, мало-по-малу становилась гористой и пустынной и отыскивать здѣсь какое нибудь жилье, значило бы потратить понапрасну не мало времени. Дѣйствительно, когда, отдохнувъ послѣ обѣда, караванъ снова тронулся въ дальнѣйшій путь, то вплоть до самаго вечера ему не встрѣтилось ни одного поселка, а если и попадалось отдѣльно стоящее жилье, то только лишь въ видѣ какой нибудь полуразрушенной хижины или жалкаго покинутого шалаша.

Къ вечеру утомленные путешественники набрали на прекрасную горную лужайку, съ трехъ сторонъ окаймленную прекраснымъ нагорнымъ лѣсомъ. Площадка эта служила подножіемъ новому горному подъему и въ обнаженныхъ, обрывистыхъ напластованіяхъ его Ганцъ открылъ довольно обширную и удобную пещеру, которой и рѣшили воспользоваться для ночлега, тѣмъ болѣе, что тутъ-же, невдалекѣ протекалъ ручеекъ чистой и прохладной воды.

Было уже около семи часовъ вечера, когда Іоганъ снова принялся за свои научные опыты по кулинаріи, какъ говорилъ о его стряпнѣ Ганцъ. Дядя Карлъ, совершенно разбитый тропической жарой и утомительнымъ переѣздомъ, съ наслажденіемъ растянулся на мягкой травѣ, а Ганцъ и Бруно принялись дѣятельно устраивать ночлегъ.

Найденная Ганцемъ пещера представляла огромный каменный навѣсъ, образованный мощнымъ пластомъ известняка, изъ подъ котораго вода вымыла болѣе рыхлую, зеленоватую глину; обвалившіяся глыбы образовали внѣшнюю стѣну этой пещеры, оставивъ свободными нѣсколько проходовъ, полузаросшихъ кустарниками и ползучими растеніями.

Благодаря песчаному дну пещеры,—ея каменнымъ стѣнамъ и гладкому потолку она отличалась той дѣвственной чистотой и опрятностью, которой всегда характеризуются мѣста не загрязненныя еще присутствіемъ животной жизни; когда же братья развели въ ней костеръ, устроили постели изъ мха, покрытаго коврами и одѣялами, а длинный кусокъ обвалившагося пласта превратили въ столъ и вмѣсто стульевъ подкатали къ нему нѣсколько каменныхъ обломковъ, то помѣщеніе приняло весьма комфортабельный видъ.

Окончивъ работу, молодые люди вышли изъ пещеры и, въ свою очередь, прилегли немного отдохнуть.

Тропическая ночь уже глядѣла на землю своими безчисленными яркими звѣздами, сверкавшими въ темной и таинственной глубинѣ безлуннаго неба.

Расположившись среди густой, душистой травы, братья наслаждались теперь той пріятной бодрящей свѣжестью, которая особенно сильно ощущается молодыми организмами послѣ утомительно-жаркаго дня, смѣнившагося отрадной прохладой ночи. Нѣкоторое время оба лежали молча. Наконецъ Бруно первый обратился къ брату.

— Ну что-же, Ганцъ, попробуемъ мы сегодня произвести мой опытъ? Я считаю особенно подходящей для него ту обстановку, въ которой мы находимся въ данное время.

— Ахъ Бруно, Бруно, да неужели-же ты и въ самомъ дѣлѣ придаешь всему этому хоть тѣнь вѣроятія, съ печальной укоризной спросилъ Ганцъ.

— Да, да, съ живостью заговорилъ Бруно, ты, хотя и случайно, но совершенно вѣрно опредѣлилъ мой взглядъ на это дѣло,—да всему этому я придаю только тѣнь вѣроятности и она то меня и беспокоитъ, потому что я боюсь тѣхъ послѣдствій, которыя дастъ опытъ, если эта тѣнь превратится въ дѣйствительность.

— О, если тебя останавливаетъ только это, то я совѣтую не откладывать опыта въ долгій ящикъ. Твое увлеченіе всей этой кабалистикой, правду сказать, начинаетъ меня тревожить и чѣмъ скорѣе ты разочаруешься, тѣмъ для тебя будетъ полезнѣе. Если тебѣ интересно знать мнѣніе дяди Карла, то я могу сказать, что взгляды наши на этотъ предметъ совершенно сходны. Сегодня утромъ я говорилъ съ нимъ по этому поводу и оба мы пришли къ заключенію, что тебѣ тѣмъ или инымъ способомъ, разъ навсегда нужно отдѣлаться отъ мистицизма, чему, какъ я думаю, не мало будетъ способствовать и твой опытъ.

— Ну что жъ, пусть будетъ такъ; ужъ если вы съ дядей Карломъ никакъ не можете отнестись къ этому дѣлу иначе, такъ ужъ я считаю себя не отвѣтственнымъ за послѣдствія опыта...

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ разговоръ братьевъ былъ прерванъ, радостнымъ окрикомъ Іогана, который торжественно приглашалъ всѣхъ „пожаловать къ ужину“.

Проголодавшіеся путешественники конечно не заставили Іогана повторять это заманчивое приглашеніе и скоро всѣ,

не исключая и проводника, размѣстились уже вокругъ каменнаго стола, который къ довершенію комфорта оказался, не только освѣщеннымъ двумя стеариновыми свѣчами, но даже былъ накрытъ совершенно свѣжей, бѣлоснѣжной скатертью. Однако главную прелесть сервировки конечно составляли два горячихъ блюда, распространявшихъ по всей пещерѣ пріятный ароматъ, при содѣйствіи котораго аппетиты присутствующихъ начинали принимать фантастическіе размѣры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С ѣ р а.

Въ Средиземномъ морѣ, между Италіей и африканскимъ берегомъ, лежитъ островъ Сицилія. На немъ находится вулканъ Этна, по временамъ извергающій лаву, пепель и столбы пара вмѣстѣ съ горящей сѣрой.

Милліоны лѣтъ Этна дышитъ огнемъ и сѣрой и не удивительно, что около нея за это время скопилось множество сѣры. Тамъ ее добываютъ изъ земли и развозятъ по всему свѣту для продажи.

Въ видѣ желтыхъ черенковъ или въ видѣ порошка *) сѣру можно найти даже въ деревенскихъ лавкахъ. Крестьяне иногда употребляютъ ее какъ лѣкарство для себя и для домашнихъ животныхъ.

Зажженная, она горитъ красивымъ голубымъ пламенемъ и распространяетъ рѣзкій удушающій дымъ—*сѣрнистый газъ*.

Есть одинъ хорошій способъ тушить сажу, когда она загорится въ трубѣ, но способъ этотъ не всѣмъ извѣстенъ. Для этого стоитъ только зажечь сѣру въ печи: сѣрнистый газъ пойдетъ въ трубу и отъ него потухнетъ сажа.

*) Сѣра въ порошокъ называется *сѣрнымъ цвѣтомъ*.

Когда въ комнатѣ, гдѣ лежалъ заразный больной, хотятъ снова жить, то ее крѣпко окуриваютъ сѣрой. Сѣрнистый газъ убиваетъ заразныхъ микробовъ, оставшихся послѣ больного, и тѣмъ спасаетъ другихъ людей отъ зараженія.

Сѣрнистымъ газомъ бѣлятъ шелкъ, соломенные шляпы, перья, струны, шерсть, матеріи и много другихъ предметовъ. Для этого ихъ вѣшаютъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, смачиваютъ водой и подкуриваютъ сѣрнистымъ газомъ.

Лѣтъ 60 тому назадъ англійскіе садовники спросили знаменитаго химика Михаила Фарадея: „Почему мы въ своихъ садахъ не можемъ получить цвѣтныхъ фіалокъ? Всѣ онѣ у насъ цвѣтутъ бѣлыми цвѣтами?“ Фарадей сначала удивился, но желая помочь садовникамъ, онъ изслѣдовалъ воздухъ и нашелъ въ немъ много сѣрнистаго газа, который вмѣстѣ съ дымомъ выходитъ изъ трубъ многочисленныхъ фабрикъ Англій.

Возьмите букетъ фіалокъ, обрызгайте его слегка водой и подкуривайте его горячей сѣрой. Чтобы сѣрнистый газъ не разлетался въ воздухъ, букетъ и горящую сѣру покройте большимъ бумажнымъ колпакомъ. Собравшись подъ колпакомъ, сѣрнистый газъ будетъ дѣйствовать на цвѣты, и они изъ синихъ и фіолетовыхъ превратятся въ бѣлые. Вотъ почему у садовниковъ всѣ фіалки были бѣлы. Сѣрнистый газъ, находящійся въ тамошнемъ воздухѣ, окрашивалъ ихъ въ бѣлый цвѣтъ.

Обезцвѣченныя сѣрнистымъ газомъ фіалки можно снова окрасить. Если въ подкисленную воду опустить бѣлыя фіалки, то онѣ сдѣлаются красными. Если же хотите бѣлыя фіалки превратить въ зеленыя, то подержите ихъ надъ парами нашатырнаго спирта *).

*) Подкислить воду можно нѣсколькими каплями любой кислоты. Чтобы получить пары нашатырнаго спирта, надо налить его въ блюдечко и поставить въ тарелку съ кипяткомъ. Спиртъ нагреется и дастъ невидимые пары.

Хотя и непріятно пахнетъ сѣрнистый газъ, однако онъ, повидимому, очень нравится насѣкомымъ. Много разъ приходилось наблюдать, какъ послѣ изверженія Везувія, когда сѣрнистый газъ въ изобиліи выдѣляется изъ его кратеровъ, сюда слетается множество насѣкомыхъ. Они сплошь покрываютъ стѣнки кратеро́въ и, видимо, наслаждаются пріятною для нихъ атмосферою.

Сѣрнистый газъ легко растворяется въ водѣ и тогда вода пріобрѣтаетъ кислый вкусъ. Такой растворъ въ водѣ сѣрнаго газа называется *сѣрнистою кислотою*.

Приготовить ее очень легко. Въ стеклянную банку, какія употребляютъ для храненія варенья, налейте немного кипяченой, но остуженной воды. Затѣмъ въ эту банку внесите на жестяной ложечкѣ *) кусочекъ горячей сѣры. Когда вся банка наполнится сѣрнымъ газомъ,—выньте изъ нея ложечку съ сѣрой, закройте банку ладонью руки и взболтайте воду. Газъ растворится въ водѣ. Повторите всю эту операцію нѣсколько разъ и вода сильно насытится сѣрнымъ газомъ. Это и есть сѣрнистая кислота.

Не всякую кислоту можно пробовать на языкъ. Нѣкоторыя кислоты такъ крѣпки, что причиняютъ сильные ожоги во рту и портятъ зубы. Поэтому химики пробуютъ кислоты не языкомъ, а *лакмусовою бумажкой*. Отъ всякой кислоты лакмусъ краснѣетъ **).

Если нѣтъ подъ руками лакмуса или лакмусовой бумажки, то ихъ можно замѣнить настойкою изъ красной капусты. Для этого нарѣжьте мелко два или три листа крас-

*) Такую ложечку легко сдѣлать самому изъ кусочка жести — лишь бы въ ней держалась сѣра.

**) Лакмусъ краска; продается въ аптекарскихъ магазинахъ. Тамъ же продаются и лакмусовыя бумажки, которыя удобнѣе употреблять при опытахъ, чѣмъ самый лакмусъ.

ной капусты, обдайте двумя стаканами кипятку и дайте настояться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Когда настой приметъ густой синій цвѣтъ, то его отцѣдите и слейте въ бутылку. Чтобы настой не испортился скоро, прибавьте къ нему немного виннаго или древеснаго спирта.

Эта настойка очень чувствительна къ кислотамъ: она краснѣетъ отъ ничтожнаго количества какой-нибудь изъ нихъ. Только сѣрнистая кислота дѣлаетъ ее безцвѣтной, какъ вода.

Если нѣтъ красной капусты, то такую же настойку можно сдѣлать изъ цвѣтовъ штокъ-розы (рожа), пелларгоніи, мальвы и др. цвѣтовъ.

Итакъ, отъ кислотъ лакмусъ и наши настойки *краснѣютъ*. Но есть другого рода вещества, отъ которыхъ они *синѣютъ*—это щелочи: ѣдкій калий, ѣдкій натрій, ѣдкій аммоній (нашатырный спиртъ), известь, поташъ, щелочная сода и др. Опять-таки, вмѣсто того, чтобы пробовать ѣдкія щелочи языкомъ или пальцами, ихъ пробуютъ лакмусовою бумажкою или настойками капусты и мальвы.

Въ заключеніе я укажу на нѣсколько интересныхъ опытовъ, которые можно произвести съ сѣрой. Если палочку сѣры потереть о сукно, то она наэлектризуется и станетъ притягивать легкія тѣла. Если сѣру нагрѣть въ пробиркѣ, то она расплавится и сдѣлается жидкой; если ее продолжать нагрѣвать еще сильнѣе, то она сдѣлается темной и густой, такъ что съ трудомъ выливается изъ пробирки, если ее перевернуть вверхъ дномъ; при дальнѣйшемъ нагрѣваніи сѣра снова сдѣлается жидкой.

Если сѣрный цвѣтъ смѣшать съ желѣзными опилками, насыпать кучкой на сковороду и поджечь спичкой, то вся кучка раскалится докрасна. Когда она остынетъ, мы уже не найдемъ въ получившейся черной массѣ ни сѣры, ни же-

лѣза: они соединились и дали новое тѣло — *сѣрнистое желѣзо*, не похожее ни на одно изъ взятыхъ веществъ. Нагрѣвая сѣрный цвѣтъ съ мѣдными опилками, получимъ *сѣрнистую мѣдь*, съ цинковыми — *сѣрнистый цинкъ*. Въ соединеніи съ кислородомъ сѣра даетъ не только сѣрнистую, но еще и *сѣрную* кислоту, одну изъ самыхъ сильныхъ кислотъ. О ней рѣчь впереди.

И. Воскобойниковъ.

Дѣвочка съ розами.

Въ одинъ изъ майскихъ лѣтнихъ вечеровъ я пошелъ бродить по городу. Въ тотъ день былъ праздникъ и потому на улицахъ было больше народу, чѣмъ всегда. Всѣ были разряжены и всѣ были веселы.

Мнѣ было пріятно смотрѣть на веселыя лица гуляющихъ: я смотрѣлъ на нихъ и мнѣ самому становилось весело; я видѣлъ ихъ улыбки и улыбался самъ, и всѣ люди казались мнѣ такими добрыми, хорошими.

Когда я подходилъ къ городскому саду, я, вдругъ, услышалъ дѣтскій голосъ:

— Купите розу!

Я обернулся.

Передо мною стояла дѣвочка лѣтъ шести. Ея головка была покрыта бѣлыми, пушистыми волосами, и голубые глазенки просяще смотрѣли на меня. Сзади нея, держась правой рученкой за ея платье, стоялъ мальчуганъ совсѣмъ крохотный; видно было, что онъ едва научился ходить. Онъ былъ очень похожъ на дѣвочку, и потому я сразу догадался, что это ея братъ. Онъ прижался къ сестренкѣ и пугливо смотрѣлъ на

всѣхъ своими большими глазами, причемъ почти всѣ пальцы его руки покоились у него во рту.

— Кто тебя послалъ сюда?—спросилъ я ее.

— Никто!—отвѣчала дѣвочка,—я сама пришла. Мама у меня больная: совсѣмъ ходить не можетъ; а у насъ есть садъ. Вотъ мама и говоритъ мнѣ: „Нюта, говоритъ, у насъ уже зацвѣли розы, ты нарѣжь ихъ, пойди на улицу и продай ихъ. Мнѣ было жалко рѣзать розы,—но такъ мама хочетъ. Мама еще говорила, что она уже не можетъ кормить насъ, и если я и Миня хотимъ ѣсть, то надо, чтобы я слушалась, и насъ накормятъ розы.

— Это твой братъ?

— Да.

— Зачѣмъ же ты берешь его съ собой?

— А онъ дома мѣшаетъ мамѣ спать. Мама почти всегда спитъ: ей спать хочется. А Миня мѣшаетъ ей. Ему одному скучно, вотъ я и беру его съ собой.

— Но вѣдь теперь уже вечеръ и тебѣ и Минѣ, вѣрно, спать хочется? когда же вы спите?

— Мы каждый день выходимъ съ розами на улицу, когда темнѣетъ. Я продаю розы и тогда ухожу съ Миней домой.

— Но теперь уже поздно. Уже давно пора итти домой.

— Мнѣ еще надо продать остальные розы.

— Я ихъ у тебя куплю,—давай сюда.

— Вы? зачѣмъ же вамъ такъ много?—и дѣвочка съ удивленіемъ устремила на меня свои свѣтлые глазенки.

— Нюта! домой!—запищалъ, насупившись, Миня.

— Вотъ видишь,—отвѣчалъ я—и Минѣ хочется домой. Я люблю розы; я принесу ихъ къ себѣ и разставлю на окнахъ, на всѣхъ окнахъ, а для этого мнѣ нужно много розъ. Иди же.

Я заплатилъ дѣвочкѣ за розы и взялъ ихъ у нея. Розъ

было много: я ими наполнилъ всѣ карманы и еще въ рукахъ у меня остался громадный букетъ.

Распростившись съ дѣтьми, я ушелъ къ себѣ домой.

Я разставилъ розы на окнахъ—какъ говорилъ—и долго вдыхалъ ихъ ароматъ, вспоминая дѣтей.

Вскорѣ послѣ этого мои дѣла заставили меня уѣхать изъ родного города, и я потерялъ ихъ изъ виду.

II.

Прошли и лѣто, и осень и уже успѣла наступить зима, когда я снова очутился въ своемъ городѣ.

Однажды вечеромъ, я шелъ по улицѣ, ежась въ шубѣ отъ холода и вѣтра, и вдругъ увидѣлъ, впереди себя небольшую кучку прохожихъ, которые смотрѣли на что-то. Когда я поровнялся съ ними, то посмотрѣлъ черезъ ихъ головы туда, куда всѣ смотрѣли.

Я увидѣлъ дѣвочку, которая сидѣла на тротуарѣ, обхвативъ рученками головку, спавшаго у нея на колѣнахъ (мнѣ казалось, что онъ спалъ) мальчика.

Она прижалась къ нему и не обращала никакого вниманія на окружающихъ. Оба они были очень плохо одѣты.

Около нихъ суетился какой-то господинъ.

— Что тутъ такое?—спросилъ я его.

Онъ обернулся ко мнѣ и сталъ быстро рассказывать.

— Замерзли вотъ,—показалъ онъ на дѣтей.—Я проходилъ мимо, вижу—сидятъ; мнѣ стало жаль ихъ и я хотѣлъ дать дѣвочкѣ денегъ. Подхожу, окликаю—не слышитъ. Взялъ ее за плечо—то-же самое. Потомъ смотрю—а они оба замерзшіе.

— Такъ надо же ихъ скорѣе въ больницу!—заволновался я.

— Да, вѣдь, не наше это дѣло!—замѣтилъ кто-то въ

толпѣ, — еще отвѣчать придется, а не то въ свидѣтели притянутъ. Возись съ ними!

Мнѣ стало стыдно за говорившихъ: они боялись помочь дѣтямъ!

Я наклонился къ нимъ. Лица дѣвочки и мальчика показались мнѣ знакомыми. И, вдругъ, я вспомнилъ дѣвочку съ розами...

Это были Нюта и Миня.

Я позвалъ извозчика, осторожно разжалъ ручонки Нюты, обнимавшія головку Мини и, перенеся ихъ на извозицѣ дрожки, повезъ въ городскую лечебницу.

Въ больницѣ я передалъ дѣтей на попеченіе доктора.

Спасти Миню уже было нельзя: отъ умеръ, Нюту же оттерли и она скоро пришла въ себя, хотя была очень слаба и вскорѣ стала кашлять.

Ее раздѣли и положили въ постель, укрывъ теплымъ одѣяломъ.

Когда она нѣсколько согрѣлась и успокоилась, докторъ позволилъ мнѣ пройти къ ней.

Я подошелъ къ ея кровати. Она лежала блѣдная, худенькая и смотрѣла на меня ясными, голубыми глазками. Въ нихъ свѣтились слезы. Бѣлокурые волосы обрамляли ея хорошенькую головку и усиляли ея блѣдность и худобу. Я присѣлъ къ ней на кровать и спросилъ:

— Ты узнаешь меня, Нюта?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я покупалъ у тебя лѣтомъ розы.

— Ахъ, розы!.. Теперь розы уже не цвѣтутъ! — отвѣтила Нюта и лицо ея приняло задумчивое выраженіе.

— Какъ ты очутилась на улицѣ? — спросилъ я, — кто тебя послалъ въ такую погоду?

— Бабушка.

— Какая бабушка?

— А когда мама умерла, насъ взяла къ себѣ бабушка. Розы уже не цвѣли и насъ съ Миней некому было кормить. Бабушка говорила мнѣ, что надо итти и просить на улицѣ прохожихъ, чтобы они накормили насъ. Но мнѣ и Минѣ всегда хотѣлось ѣсть. Когда были розы, намъ было лучше...—Дѣвочка задумалась.

— Дядя!—продолжала она черезъ нѣсколько секундъ,— Миня умеръ?

Я какъ-то не могъ солгать этому ребенку и отвѣтилъ:

— Да, умеръ...

— Онъ теперь у Бога? снова спросила дѣвочка.

— Да, Нюта, у Бога. Ему теперь тамъ хорошо.

— Ахъ, я такъ рада! Онъ всегда плакалъ и спрашивалъ меня: „Нюта, лѣзы! Гдѣ лѣзы?“—онъ хотѣлъ розъ, но онѣ уже не цвѣтутъ. А теперь у него будутъ розы?

— Да, будутъ. Теперь у него будетъ много розъ, всегда будутъ розы.

— Ахъ, я такъ рада!—прошептала Нюта. Глазенки ея закрылись и дыханіе стало ровнѣе.

Бѣдное дитя устало и теперь забылось сномъ.

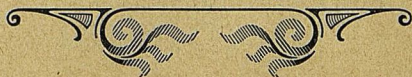
Мнѣ было больно, хотѣлось плакать.

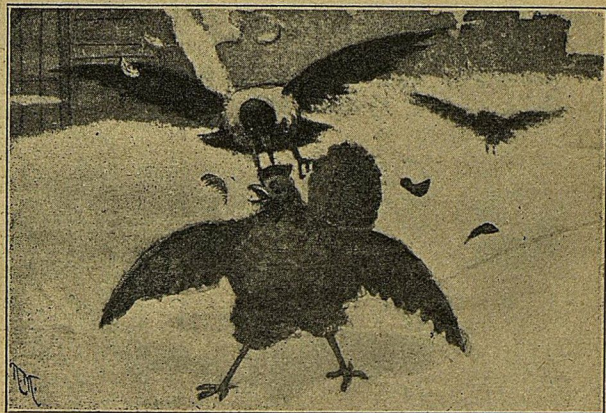
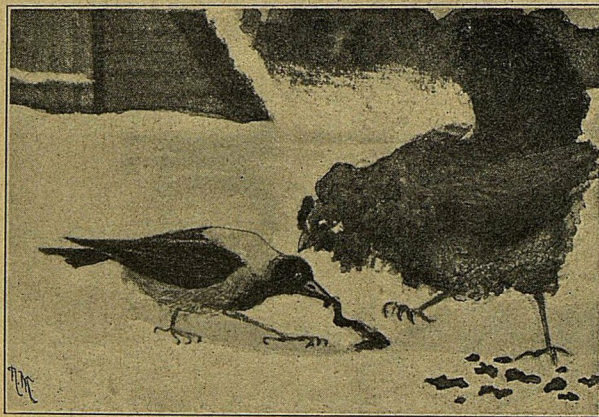
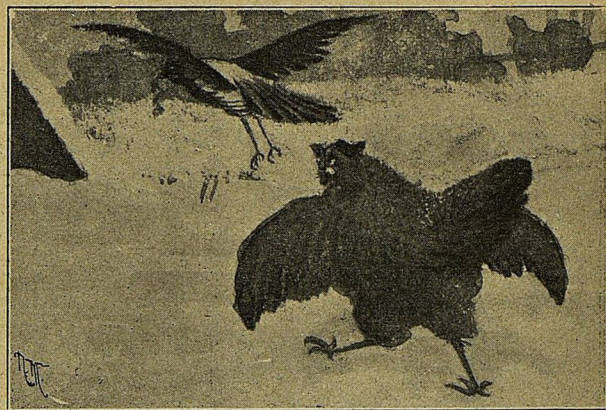
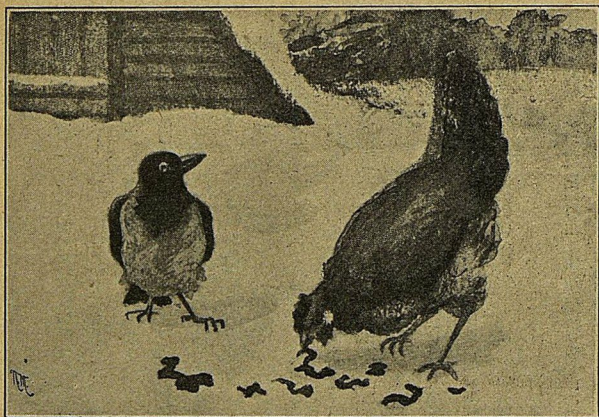
Я наклонился къ Нютѣ и, осторожно поцѣловавъ ее, рѣшилъ прійти къ ней на другой день.

Я пришелъ на другой день, но Нюты уже не засталъ.

Ея душа оставила свое маленькое тѣльце и улетѣла туда, гдѣ нѣтъ ни холода, ни голода, гдѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, гдѣ никто никогда не умираетъ, и гдѣ цвѣтутъ вѣчныя розы...

Петръ Переваловъ.

Картинка безъ словъ.

Рис. худ. К. Павлова.

Васька и Ванька.

Изъ одной улицы въ другую, изъ переулка въ переулокъ идетъ подростокъ—мальчуганъ лѣтъ 14—15; у него на лѣвомъ плечѣ лѣстница, на поясѣ виситъ щетка для чистки ламповыхъ стеколъ и тряпка—онъ фонарщикъ. Переходя отъ фонаря къ фонарю и подставляя къ каждому изъ нихъ лѣстницу, онъ аккуратно протираетъ стекла фонаря и лампы. Кажется, скучное занятіе, но Васька, такъ звали нашего мальчугана, не унываетъ—онъ веселъ, мурлыкаетъ пѣсни и часто перекидывается словечкомъ, другимъ съ извозчикомъ, проѣзжающимъ порожнякомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, хорошо его знаютъ: окликнуть по имени и непременно какимъ-нибудь лестнымъ словечкомъ подарятъ, а нашъ мальчуганъ отвѣтитъ, да такъ, что извозчикъ полушутливо, полубидчиво промолвитъ: „ишь, лѣшій какой“! хлестнетъ лошадь да поскорѣе давай Богъ ноги: „чертъ его переговорить“!

Этотъ Васька обладалъ одной способностью: онъ неподражаемо умѣлъ копировать мяуканье кошки; онъ передавалъ малѣйшіе оттѣнки мартовскихъ концертовъ: то бралъ высокія ноты, то низкія, то наконецъ фыркалъ.

Идетъ онъ, исполняя свою обязанность фонарщика, увидеть собаку и начнеть ее дразнить между дѣломъ, да еще время отъ времени науськиваетъ ее на невидимаго врага собачьяго рода. Наконецъ то какая нибудь шапка пойметъ, что это все продѣлки коварнаго мальчишки, науськивавшего ее: подожметъ хвостъ, отскочитъ въ сторону бокомъ и залется лаемъ, да такъ и чувствуется досада въ ея голосѣ. Одинъ разъ его чуть не разорвалъ догъ: хорошо, что Васька былъ въ это время на лѣстницѣ—разъяренное животное бросалось даже на нее. Съ тѣхъ поръ онъ не дразнилъ большихъ собакъ.

Разъ какъ то, протирая фонарь, Васька замѣтилъ по близости собаку, онъ пустилъ въ ходъ свой маневръ, но собака, повидимому, была занята болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ преслѣдованіе кошки, и бѣжала своей дорогой; вмѣсто ея лай раздался другой лай—дробный, рѣзкій: лаяла должно быть очень маленькая собаченка, подвернувшаяся въ это время, вмѣсто той.

Васька оглядывается продолжая мяукать: собаченки нѣтъ, какъ нѣтъ, хотя голосъ ея такъ и звенить у него въ ушахъ, да такъ близко; наконецъ онъ увидаль, что лаесть мальчикъ, стоящій подъ фонаремъ.

Васька сначала было разсердился и закричалъ на мнимую собаченку:

— Чего тутъ стоишь? Проваливай!

Его самолюбіе артиста, неподражаемо мяукающаго, задѣло не менѣе артистическое исполненіе собачьей партіи. Онъ разсердился серьезно, но, увидавъ, что мальчуганъ, стоявшій подъ фонаремъ, и не думаетъ трунить надъ нимъ, а смѣется самымъ добродушнымъ смѣхомъ, онъ смягчился.

— Ты чего лаешь то?—спросилъ Васька у мальчика.

— А ты чего мяукаешь?—отвѣтилъ тотъ, заливаясь смѣхомъ.

— А какъ тебя зовутъ?—спросилъ Васька.

— Ванька,—отвѣтилъ тотъ.—А тебя?

— Васька.

Такъ завязалось знакомство нашихъ героевъ.

Но нужно познакомиться съ ними поближе.

Васька и Ванька представляли изъ себя двѣ противоположности. Васька былъ типичнымъ представителемъ „улицы“: смуглый цвѣтъ лица, темные волосы, темные, почти черные глаза, такіе же юркіе и быстрые, какъ и онъ самъ, сухопарый, какъ говорятъ у насъ, онъ, повидимому, отлично зналъ жизнь и имѣлъ трезвый взглядъ на жизненную борьбу: грубый въ обращеніи съ людьми, онъ умѣлъ грубость скрашивать такъ, что собесѣдникъ не зналъ, разсердиться ему, или разсмѣяться—этому способствовалъ огромный запасъ острыхъ словечекъ и природнаго юмора. Когда нужно было, онъ умѣлъ поддѣлаться ко всякому.

Ванька, какъ уже было сказано, представлялъ полную противоположность Васькѣ: онъ былъ бѣлокуръ, довольно неповоротливъ, лицо было немножко веснушчатое, но что у него было хорошо—это темные голубые глаза, которые свѣтились необыкновенной добротой, и добрая улыбка, противъ которой не устоялъ даже скептикъ Васька; во всей фигурѣ его сквозило добродушіе. Ванька былъ по профессіи торговецъ: онъ ходилъ съ лоткомъ, повѣшеннымъ на веревкѣ, перекинутой черезъ плечо. На этомъ лоткѣ лежали вакса, спички, двѣ-

три сапожныя щетки и нѣсколько игрушекъ: утка съ пискомъ, барашекъ съ неопредѣленными звуками, напоминающими кряканье утки, и заяка съ барабаномъ. Онъ былъ на годъ моложе Васьки.

Отецъ Васьки былъ фабричнымъ, мать ходила на поденную работу; родные Ваньки жили въ деревнѣ и во всемъ городѣ у Ваньки былъ только старшій братъ, жившій въ дворникахъ. Ванька у него жилъ; братъ же снабжалъ Ваньку его нехитрымъ товаромъ.

Со дня перваго знакомства Васька и Ванька стали почти неразлучны: гдѣ Васька фонари чистить, тамъ уже непременно и Ванька торгуется; время отъ времени они отъ скуки перекликаются,—Васька кошкой, Ванька—собакой. Скоро ихъ призналъ весь уличный народъ и звалъ не иначе, какъ Васька-котъ и Ванька-аболонка.

Они оба одинъ безъ другого скучали: Васька—оттого, что не съ кѣмъ было подѣлиться впечатлѣніями и не отъ кого было услышать одобренія, Ванька—оттого, что некого было слушать.

* *
* *

Однажды Васькѣ пришла блестящая мысль.

— Знаешь, Ванька, есть люди, которые умѣютъ всякихъ звѣрей передразнивать и на разные голоса говорить; они получаютъ, говорятъ, большія деньги. Давай, попробуемъ съ тобой, авось, что-нибудь и выйдетъ; а вѣдь куда лучше покричать, помяукать, да получить большія деньги, чѣмъ ходить цѣлый день да лампы чистить или спички продавать!

Ванька не могъ не согласиться съ этимъ доводомъ.

И вотъ они каждый день стали учиться издавать разные звуки, которые могли подслушать на улицѣ.

Васька, какъ болѣе энергичный и послѣдовательный, сталъ дѣлать очень быстрые успѣхи: онъ скоро выучился лаять не хуже Ваньки, да еще не только собаченкой, но и собакой и собачищей; онъ воспринималъ и воспроизводилъ всѣ звуки, не исключая, кажется, скрипа полозьевъ саней по обнаженнымъ камнямъ. Ванька тянулся за нимъ, но у него выходило далеко не такъ чисто и отчетливо, какъ у Васьки. Когда Васька достаточно усовершенствовался, они, Васька и Ванька, выходили вдвоемъ на гулянье: Васька со своимъ искусствомъ, Ванька—съ лоткомъ. Васька идетъ и сыплетъ прибаутками, а увидитъ, что народу собралось больше, пустить въ

хоть свое искусство, потомъ сниметъ картузь и обходитъ зрителей, а Ванька подъ рукой горячѣй торгуетъ.

Вотъ гулянье. Съ одной стороны стоятъ различные балаганы; одинъ щеголяетъ своимъ хоромъ, другой—клоунами, третій—необычайнымъ звѣринцемъ: даже около него стоитъ привязанный верблюдъ, самаго жалкаго вида, а наверху на особенной полочкѣ, помѣщена обезьяна, прикованная на цѣпь; она бѣгаетъ съ остервенѣніемъ по своей маленькой площадкѣ и время отъ времени жалобно пищитъ. Рядомъ съ огромнымъ досчатымъ балаганомъ примостилась маленькая палатка, обтянутая полотномъ—это мѣстопробываніе „петрушки“. Раздается пискливый и гнусавый голосъ героя и звонъ палочкой въ мѣдную тарелку, и появляется онъ самъ; сыплются обычныя его остроты, и народъ, по обычаю хохочетъ во все горло и подаетъ реплики; петрушка огрызается, и опять хохотъ. Въ этомъ же ряду стоятъ карусели и качели. Напротивъ стоятъ палатки со всевозможными сладостями и игрушками; тутъ же помѣщаются палатки съ „разными новѣйшими американскими изобрѣтеніями“.

Надъ всѣмъ этимъ раздаются звуки сиплыхъ оркестровъ, шарманокъ, гнусаваго писка „петрушки“, заливчатой фабричной пѣсни, подъ аккомпаниментъ гармоники, криковъ, взвизгиваній бабъ...

Повсюду довольныя лица, заломленныя набекрень шапки, пестрые платки, сапоги со скрипомъ и калошами. Всякій что нибудь жуетъ, кто посостоятельнѣе—ѣстъ жемки, стручки, щелкаетъ орѣхи, кто побѣднѣе довольствуется—подсолнушками.

Въ одной группѣ что-то особенно оживленно: всѣ стараются протискаться въ середину ея; временами раздаются взрывы хохота. Васька медленно подвигаясь въ срединѣ толпы; перекидывается остротами и прибаутками съ окружающими: онъ только собираетъ публику.

Представленіе началось. Васька остановился и, не переставая сыпать во всѣ стороны прибаутками, показываетъ свое искусство: онъ представляетъ враждебную встрѣчу кошки съ собакой. Сцена начинается азартнымъ лаемъ собаки и страшнымъ фырканьемъ кошки и заканчивается визгомъ убѣгающей въ одну сторону собаки и побѣдоноснымъ фырканьемъ кошки, улепетывающей въ другую. Ваську все время прерываетъ хохотъ окружающихъ, но онъ съ невозмутимымъ видомъ продолжаетъ свое представленіе, только глаза его

такъ и бѣгаютъ по окружающей его „публикѣ“, высматривая зрителя поощрѣе. Передъ очарованными слушателями проходятъ и курица, и пѣтухъ, и гусь, и лошадь, и корова, но это еще не все, и онъ начинаетъ подражать пилкѣ дерева, воспроизводитъ манеру прикащика изъ красной лавки, ругатню торговокъ на рынкѣ и много еще всего, чего не перечесть.

Васька снимаетъ шапку и обходитъ окружающихъ, и опять прибаутки. Нѣкоторые отходятъ, Васька надъ ними зло смѣется. Но вотъ онъ замѣчаетъ, что одинъ изъ наиболѣе подававшихъ надежду зрителей уходитъ. Онъ догоняетъ его, подсовываетъ шапку.

— Дяденька, дяденька, новое пальто, новыя калоши, малость дайте Прошѣ!...

— Чего тебѣ еще?—спрашиваетъ тотъ.

— Грошиковъ, грошей—ужъ не просимъ мы рублей!

— Отстань...

— Не жалѣйте! Не забудемъ: поминать мы вѣкъ васъ будемъ.

Хорошо, если преслѣдуемый сдавался и удѣлялъ отъ своего достатка, но горе было тому, кто скупился: Васька изошрялъ на немъ весь запасъ своего злого юмора.

— Ребятцы, ребятцы! — обращался онъ къ окружающимъ, которые, чуя травлю, валили за нимъ толпой — ишь вѣдь: все время стоялъ, да мнѣ зубы считалъ, да въ ротъ глядѣлъ, словно съѣсть хотѣлъ, а теперь бѣжить—за пятакъ дрожить!...

Преслѣдуемый, выведенный изъ терпѣнія, яростно бросается на Ваську, который скрывается въ толпѣ, быстро разступившейся передъ нимъ и также быстро слившейся. А изъ-за спинъ толпы на опѣшившаго преслѣдователя глядитъ нахальная фizioномія Васьки.

Толпа хохочетъ и дивится Васькѣ, а злополучный зритель повертывается и старается поскорѣе убраться съ гулянья. Но Васька тутъ какъ тутъ, онъ опять издѣвается:

— Что ползешь ты, какъ уточка, аль не нравится моя шуточка?! Эхъ, братцы, и ударлъ бы онъ, да вишь у него пузо на манеръ арбуза.

Несчастный вынимаетъ деньги и бросаетъ Васькѣ, тотъ при оглушительномъ смѣхѣ окружающихъ, подхватываетъ ихъ на лету и вѣжливо кланяется, снимая шапку. Преслѣдованіе кончается.

Васька тоже скрывается, онъ знаетъ, что эти, окружавшіе его,

насмотрѣвшись и наслушавшись его вдоволь, кто могъ и желалъ, тотъ удѣлили ему, и отъ нихъ теперь ничего не добудешь.

Онъ появляется на другомъ концѣ гулянья и такимъ же образомъ собираетъ „публику“, которая наполовину его знаетъ. Вскорѣ появляется тамъ и Ванька.

Вначалѣ между Ванькой и Васькой происходили разногласія: Ванька никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Васька такъ безсовѣстно вымогаетъ деньги, но упрямство Васьки, да и бойкая торговля товаромъ, который на время гулянья нѣсколько измѣнился, дѣйствовали на Ваньку.

Васька идетъ, идетъ, шутитъ, шутитъ, да и начнетъ расхваливать нехитрые товары Ваньки; глядь, кто нибудь ради шутки и купитъ, да копѣйку, другую прибавитъ.

Иногда бывало, что Ванька начнетъ стыдить Ваську послѣ преслѣдованія имъ какой-нибудь жертвы.

— Ты чего присталъ ко мнѣ, чего размазываешь?—отвѣчалъ Васька,—видишь какая у него шуба, а пузо-то: что для него пятакъ—плюнуть! а намъ деньги. А не пристаю—не дастъ!

Ванькѣ оставалось только молчать: противъ такихъ словъ не возразишь.

* * *

Однажды, когда Васька только что кончилъ свое представленіе и ходилъ съ шапкой, къ нему неожиданно подошелъ изъ толпы sostenитель одного изъ балагановъ.

— Здравствуй, Вася,—сказалъ онъ ласково, потрепавъ Ваську по плечу,—чай, холодно; небось, погрѣться бы хорошо, чайку выпить?

— Охота есть до чаю, да по деньгамъ скучаю,—отвѣтилъ бойко Васька.

— Ну, ладно, пойдемъ, ужъ я тебя напою.

Васька почувалъ что то хорошее: глаза у него разгорѣлись, какъ у звѣрька, но онъ сохранялъ полное спокойствіе.

Они пошли въ трактиръ. Слово-за-слово, и хозяинъ предложилъ Васькѣ поступить къ нему въ балаганъ. Долго они торговались: Васька дорожился; дорожился онъ больше за теперешнюю вольную жизнь. Наконецъ сошлись на жалованьѣ въ 20 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, но съ условіемъ ѣздить всюду, куда ни поѣхалъ бы балаганъ.

Скоро Васька сталъ любимцемъ балаганной публики, полюбилъ его и хозяинъ: онъ сталъ дѣлать ему прибавки къ жалованью.

Но практичный Васька долго не оставался у этого хозяина: онъ прожилъ у него договорный годъ, а потомъ переходилъ отъ одного хозяина къ другому—гдѣ больше дадутъ.

Наконецъ онъ поступилъ къ содержателю цирка. Тотъ, по приѣздѣ въ одинъ изъ городовъ, гдѣ не былъ раньше Васька, напечаталъ на афишѣ огромными буквами, что съ его трупной приѣхалъ знаменитый подражатель, фокусникъ, рассказчикъ и прочая, прочая В. М. Пролазовъ.

Съ тѣхъ поръ Васькѣ совсѣмъ повезло и сталъ онъ знаменитостью: куда ни приѣдетъ циркъ съ Пролазовымъ — народъ такъ и валить, а хозяинъ деньги обираетъ, да отъ удовольствія потираетъ руки.

Васька уже давно стали называть Василиемъ Михайловичемъ.

* *
*

Ванька, первое время послѣ поступленія Васьки въ балаганъ, страшно скучалъ: онъ забросилъ даже торговлю и все ходилъ въ тотъ балаганъ, гдѣ показывалъ свое искусство Васька. Онъ забирался куда-нибудь въ уголокъ и съ благоговѣніемъ слѣдилъ за фокусами Васьки, который за это время чуть не на голову выросъ выше: видно было что онъ чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ.

Но балаганъ скоро уѣхалъ, уѣхалъ съ нимъ и Васька, и Ванька остался безъ товарища; они очень трогательно попрощались и обѣщали не забывать другъ друга...

Васька совсѣмъ потерялъ голову: онъ еще больше заскучалъ и часто не слышалъ, когда его окликали покупатели.

Наконецъ онъ не выдержалъ и, противъ воли брата, пошелъ къ хозяину другого балагана. Онъ объяснилъ ему, что онъ товарищъ Васьки, о поступленіи въ балаганъ и успѣхѣ котораго говорилъ весь балаганный людъ, показалъ ему свое искусство и просилъ взять къ себѣ.

Тотъ, видя, что сосѣдъ сдѣлалъ съ Васькой выгодное дѣло, взялъ Ваньку и самъ назначилъ такое же жалованье, какое дали сначала Васькѣ.

Ванька былъ очень доволенъ: онъ не ожидалъ такого начала.

Но Ванькѣ не повезло: онъ оказался плохимъ подражателемъ. Хозяинъ былъ недоволенъ, попрекалъ его.

Ванька сталъ учиться ѣсть горячую смолу, глотать шпагу, дѣлать нехитрыя гимнастическія упражненія: дальше гаера и „рыжаго“ онъ не пошелъ.

Сначала его звали Иваномъ, потомъ Иваномъ Петровымъ, но до чести называться Иваномъ Петровичемъ онъ не дошелъ.

Часто, послѣ ломанья и кривлянья на подмосткахъ, онъ, дрожа отъ холода всѣмъ тѣломъ, забирался въ уголъ и отдавался мрачнымъ мыслямъ: ему были противны эти балахоны изъ ситца, трико, сидѣвшіе мѣшкомъ, въ которыхъ ему приходилось мерзнуть въ холодномъ балаганѣ, наконецъ, эта толпа, которой хочется во что бы то ни стало хохотать. Онъ съ грустью и ненавистью смотрѣлъ на всю балаганную обстановку. Но вотъ очередь выходить ему, и онъ, кривляясь, выходитъ на сцену, заставляя смѣяться зрителей.

Ванька уже не въ состояніи былъ бросить свое новое ремесло, хотя сознавалъ, что онъ къ нему не пригоденъ. Съ горя онъ вскорѣ сталъ попивать.

*
*
*

Прошло много лѣтъ. Однажды въ городъ, гдѣ впервые познакомились Васька и Ванька, пріѣхалъ циркъ. По городу развѣсили афиши, въ которыхъ, среди разныхъ соблазнительныхъ диковинокъ было имя знаменитаго В. М. Пролазова. Обыватели читали и, у кого, были лишнія деньги, спѣшили въ циркъ. Пошелъ туда и Иванъ Петровъ. Онъ забрался къ самому проходу, изъ котораго выходили клоуны: глаза его зорко слѣдили за выходившими. Наконецъ вышелъ и Пролазовъ; Иванъ Петровъ такъ и впился въ него глазами, съ замираніемъ сердца онъ смотрѣлъ его фокусы, а потомъ пошелъ искать Пролазова у выхода изъ уборной, гдѣ одѣвался Пролазовъ. Пролазовъ прошелъ мимо него съ группой молодыхъ людей; они прошли въ буфетъ. Иванъ Петровъ пропустилъ его и пошелъ за нимъ.

Тамъ онъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, за которымъ они усѣлись и долго глядѣлъ на Пролазова. Наконецъ онъ нерѣшительно подошелъ и проговорилъ:

— Вася... Вас... силій Михайловичъ, здравствуйте! — Аль не узнаешь?!

Пролазовъ на него удивленно глядѣлъ.

Да и трудно было въ этомъ обрюзгомъ человѣкѣ, съ синимъ носомъ и моргающими глазами, изъ которыхъ теперь скатывались слезы, узнать прежняго Ваньку.

Пролазовъ продолжалъ удивленно глядѣть.

— Аль не узнаете Ваньку... Ваньку Семенова?

При этихъ словахъ Пролазовъ вскочилъ и обнялъ товарища.

— Какъ, это ты, Ваня?! Что съ тобой сдѣлалось?

Иванъ Петровъ тихо всхлипывалъ.

Этотъ вечеръ они провели вмѣстѣ: Иванъ Петровъ чувствовалъ себя наверху блаженства.

Разскажемъ и разспросамъ не было конца: Иванъ Петровъ былъ въ восхищеніи отъ своего друга.

— Ишь, вѣдь—знаменитость, а не забылъ Ваньку!—говорилъ онъ.

Подъ конецъ бесѣды онъ, охмѣлѣвшій, съ бессмысленно-блаженной улыбкой, спускался подъ столъ, твердя заплетающимся языкомъ: „Вася... голубчикъ Вась...“

Теперь друзья были неразлучными. Скоро Иванъ Петровъ перешелъ въ труппу, гдѣ служилъ Пролазовъ. Они другъ друга ласково называли Вася и Ваня. Иванъ Петровъ теперь былъ счастливъ, очень счастливъ.

Н. Тюринъ.

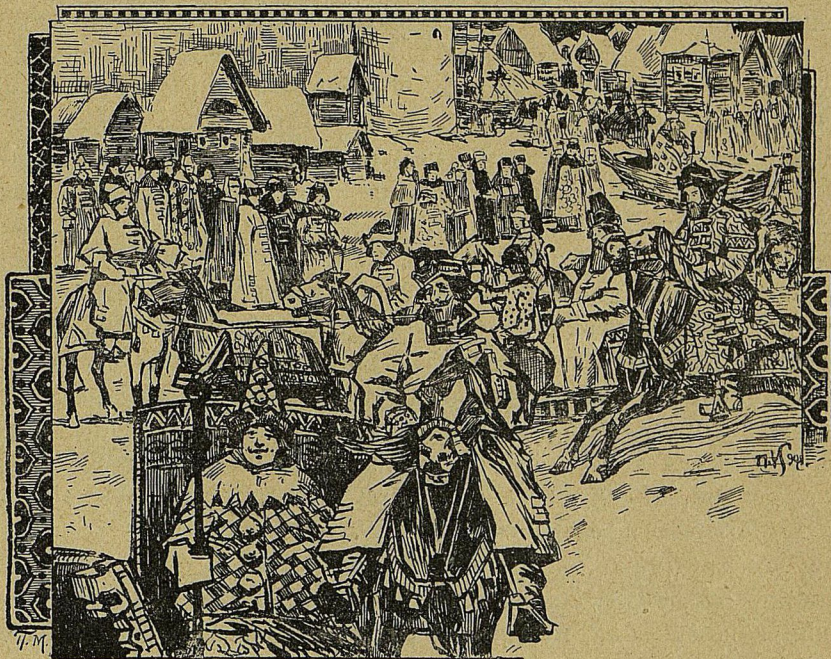
Какъ царь Петръ проводилъ масляницу.

(Историческій очеркъ).

Масляница или сырная недѣля—последняя передъ Великимъ постомъ издавна у всѣхъ народовъ и во всѣхъ государствахъ—проходитъ въ веселіи и разнаго рода празднествахъ.

У нашихъ предковъ славянъ въ это же время справлялся праздникъ въ честь языческаго бога—Волоса, который считался сильнымъ божествомъ и покровителемъ стадъ.

Такъ какъ масляная недѣля бываетъ обычно передъ началомъ весны, когда солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе, то радость древнихъ славянъ, по поводу прошедшей зимы съ ея морозами и метелями и наступающей весны, и была ознаменована устройствомъ раз-

наго рода игрищъ и увеселеній. Этотъ обычай перешелъ и къ намъ отъ нашихъ предковъ. Въ царствованіе Петра Великаго масленица проводилась ежегодно также очень весело.

Повсюду веселье шло всю недѣлю; въ городахъ же, кромѣ обычныхъ катаній съ ледяныхъ горъ, катанія на лошадяхъ, устраивались гулянія, на которыхъ встрѣчались разные балаганы, качели и т. п. Особенно весело и оригинально проведена была масленица въ 1722 году въ Москвѣ.

Царь Петръ, весьма довольный доблестной побѣдой надъ шведами, по заключеніи мира, рѣшилъ устроить для народа на масленицѣ невиданное зрѣлище, состоявшее въ слѣдующемъ:

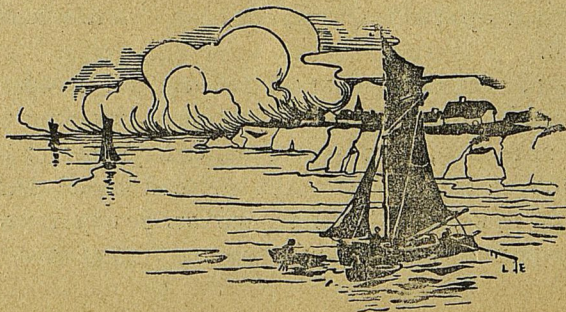
Въ четвергъ на масленицѣ царь со всей своей свитой устроилъ красивое шествіе отъ села Всесвятскаго въ 5 верстахъ отъ Москвы, до Кремля. Оригинальный царскій поѣздъ шествовалъ въ такомъ порядкѣ:

Во главѣ царскаго поѣзда на большихъ саняхъ, везомыхъ шестью изукрашенными лошадьми, ѣхалъ придворный шутъ. За нимъ въ другихъ саняхъ ѣхалъ учитель царя, а затѣмъ и ближайшій совѣтникъ его,—Зотовъ, наряженный въ красную бархатную, опушенную горностаемъ, мантию. Въ ногахъ его сидѣлъ на бочкѣ нѣкто въ костюмѣ Вакха (богъ винодѣлія у древнихъ грековъ). Далѣе ѣхала царская свита, а за ними еще придворный шутъ въ саняхъ, везомыхъ четырьмя свиньями. Слѣдомъ за шутомъ ѣхалъ на колесницѣ древній богъ—морской—Нептунъ; колесницу везли морскія сирены. За Нептуномъ въ большой лодкѣ, везомой двумя живыми медвѣдями, ѣхалъ главный совѣтникъ царя—князь Ромодановскій въ царской мантии и княжеской коронѣ. За нимъ 16 лошадей везли громадную модель корабля, скопированную съ только что построеннаго въ Петербургѣ; на кораблѣ, на которомъ было полное вооруженіе и на которомъ красовались три мачты и всѣ снасти, сидѣлъ самъ царь Петръ съ своей морской свитой, дѣлая видъ—будто управляетъ кораблемъ, какъ на морѣ. За кораблемъ слѣдовала гондола позолоченная, на которой сидѣла Императрица въ костюмѣ крестьянки, а свита ея была въ арабскихъ костюмахъ. За гондолой царицы въ разныхъ саняхъ ѣхали замаскированные люди, въ крайне разнообразныхъ костюмахъ. Здѣсь можно было видѣть наряженныхъ то волкомъ, то медвѣдемъ, то журавлемъ, то дракономъ и т. п.

Этотъ маскарадный поѣздъ двигался крайне медленно и только къ позднему вечеру достигъ Кремля.

Въ пятницу, субботу и воскресенье также происходили маскарадныя балы, съ угошеніемъ и ракетами. Вотъ какъ наши предки провели масленицу 1722 года.

Т. *орук*

Ш А Р А Д Ы.

Про себя ты говоришь,
Значить первое твердишь,
На второмъ, коль хочешь знать,
Можешь тяжесть поднимать;
На концѣ стоитъ кружокъ,
Назовешь его предлогъ;
Все-же вмѣстѣ будетъ плодъ,
Что въ саду унасъ растеть.

В. Щекинъ.

* *
*

Для начала съ экипажа
Вы возьмите;
А второе, коль даете,
Говорите;
Мое цѣлое отыщутъ
Ваши дѣтки:
Есть въ немъ корень, есть и листья,
Есть и вѣтки.

В. Щекинъ.

* *
*

Два мѣстоименя
Мы сольемъ въ одно,

И пророка имя
Скажетъ намъ оно.

В. Щекинъ.

* *
*

Думой напрасной
Умъ не утруждай:
Буквою согласной
Первое считай;
Часть моя вторая—
Будетъ старина:
Жительница рая
Древняя жена;
Вся—дитя природы,
Русскимъ дорога,
Есть у ней и воды,
Есть и берега.

В. Щекинъ.

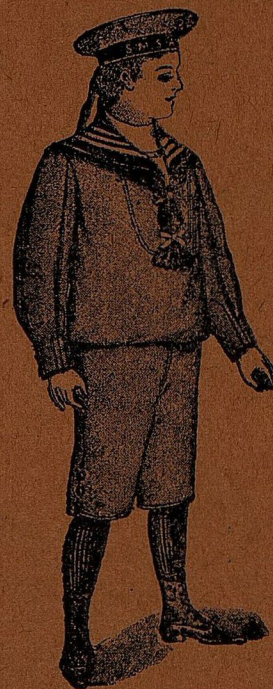
Содержаніе: Рисунокъ *Е. Бѣмъ.*—Стихотв. У печки *Т. Щепкина-Куперникъ.*—
Въ глубь вѣковъ *П. Джунковского (Продолженіе).*—Сѣра *И. Воскобойниковъ.*—
Дѣвочка съ розами. *П. Переваловъ.*—**Рисунки:** Курица и Ворона.—Разсказъ Васька
и Ванька *Н. Тюринъ.*—Какъ царь Петръ проводилъ масляницу *Т.*—Шарады *В.*
Щекинъ.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МА

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкий пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-куранты бесплатно.

Открыта подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста,

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознаніе молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ вѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапъ, А. Гречанинова, П. Джунновскаго, Н. Клинскаго, В. Комарова, Проф. Н. Мочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернакъ, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, Н. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редаціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.